

Валентина Светлакова

Улыбка любви

Сказки для прекрасных дам

16+

Валентина Светлакова

**Улыбка любви. Сказки
для прекрасных дам**

«Автор»

2019

Светлакова В. П.

Улыбка любви. Сказки для прекрасных дам / В. П. Светлакова —
«Автор», 2019

Вечная тема – о Любви, о Надежде и Вере, о женской мудрости, способной сохранить любовь. Почему сказка? В сказках все заканчивается хорошо, добро побеждает зло, а в реальности человек своим неверием, потерей надежды превращает сказку в печальную быль.

© Светлакова В. П., 2019

© Автор, 2019

Валентина Светлакова

Улыбка любви. Сказки для прекрасных дам

Если вы любите, то приложите все силы, чтобы сохранить свою любовь, может случиться, что звезды не сойдутся, и вы уже никогда не полюбите.

Глава первая

Когда Кате становится грустно, память услужливо преподносит одну и ту же картину – высокая стройная фигура юноши в светлых одеждах на фоне сливающегося на горизонте голубого неба и догоняющего его лазурного моря... Картину поры ее ранней юности. Юности – когда все еще впереди и в любой момент может случиться чудо, особенно если ты его очень ждешь и очень в него веришь! А что может быть большим чудом в эту пору, если не любовь? Кажется, что вот-вот она ворвется в твою жизнь – большая, взаимная, превратив ее в нескончаемую череду счастливых моментов. Любовь, о которой мечтают большинство наивных (и не очень) девушек от пятнадцати до..., ну этот предел у каждой свой.

Жаркий день начала августа в Гагры. Густой воздух, пропитанный южным солнцем, солью и йодом, и отдыхом. Сине-зеленая поверхность моря... Песчаный пляж с загорающими людьми, которым посчастливилось выбраться на пару недель в этот райский уголок. Подставив полуобнаженные тела под лучи нещадно палящему солнцу, они стараются максимально использовать то, что может дать море и солнце, чтобы через несколько месяцев, в пасмурном февральском Петербурге или холодном Магадане, рассматривая свои фотографии на фоне пальм, сверкающего моря и многочисленных набережных, предаваться ностальгии по звездным южным ночам с их благоухающими ароматами, и знойным дням, пролетевших как одно чудесное мгновенье. При этом каждая из фотографий сопровождается бурными комментариями:

– Вот мы на катамаране. А помнишь, как ты чуть не свалилась с него со страху, увидев близко подплывшего дельфина!

– А вот я на водном мотоцикле позирую!

– Да уж, позируешь! Перед одной симпатичной шатенкой, которая все к буйкам плавала, а ты всю неделю на нее пялился!

– Ну, ты же сама сказала, что симпатичная – на нее все мужики пялились. Посмотри, Оля, какая ты здесь хорошенькая – в белом сарафане у магнолии!

– Да, миленькая, и нисколько не хуже той шатенки!

– Лучше, ты, лучше, моя красавица!

Все это будет позже, а сейчас они загорают, купаются в теплом море, плавают на катамаранах и «бананах», а самые смелые поднимаются ввысь на парашюте, чтобы как чайка, парить над морским простором, исполнив заветную мечту человечества – «летать как птица». Словом, «отдыхают на полную катушку», чтобы было, что вспомнить в своих уютных квартирах, когда за окном мороз минус тридцать или непрекращающаяся метель.

Катя отдыхала на море уже третий день. Она только что окончила школу и, нарушив потомственную преподавательскую династию, поступила в медицинский университет, исполнив свою детскую мечту быть врачом. В дальнейшем – врачом – косметологом. Родители поощрили ее за успешное поступление в вуз путевкой в знаменитые в советские времена Гагры. Правда, Гагры уже не советские, а абхазские. Предполагалось, что они поедут на юг вместе с подругой Машей, но та в последний момент совсем некстати сломала на даче руку (хотя, когда это бывает кстати!), и родители, скрепя сердцем, отпустили Катю одну, снабдив огромным списком наставлений и советов.

Курортный городок, окруженный горами, поначалу Катю разочаровал. Она предвкушала увидеть широкий ухоженный бульвар с пальмами и диковинными цветами, белые особняки, увитые виноградом. О таких Гаграх она слышала от бабушки и видела на семейных фотографиях. На одной из них, ее любимой, бабушка с дедушкой Николаем – молодые, сверкая белозубыми улыбками, сидят, обнявшись, в белоснежной ротонде, позади которой простирается лазурный морской простор.

Вместо сложившейся в голове картины с широкими «бульварами в цвету», Катя увидела совсем другую картину. Серые пятиэтажные панельные дома со следами разорвавшихся фугасов и пустыми глазницами окон на главной улице городка напоминали о прошедшей абхазско-грузинской войне. Разбитые узкие дороги и тротуары, заросшие травой; залежалые товары в маленьких магазинчиках, столь непривычных для россиянина, живущего в большом городе, свидетельствовали о трудностях, переживаемых республикой. Вся увиденная девушкой картина была мало похожа на ту реальность, к которой она привыкла, живя в городе-миллионнике. Кате казалось, что она попала на съемки фантастического фильма с перемещением героев во времени, на этот раз прошлое.

Было очень грустно видеть в таком благодатном райском месте столь печальную картину убогости и разрушения. Время здесь как будто остановилось. И только многочисленные кафе с открытыми, увитыми виноградом террасами, и их праздные посетители указывали на некое маленькое возрождение когда-то престижного советского курорта.

Пространство уютных приветливых кафе наполняли мелодии, популярные в России лет восемь-десять назад. Самой исполняемой и популярной была песня: «Дым сигарет с ментолом...». Катя впервые услышала ее лет в семь, запомнив из-за призывной мелодии. И вот здесь, в Гаграх «нулевых» она стала одной из популярнейших для русскоязычной публики. Главный лейтмотив песни – мужское раскаяние перед любимой, весьма актуальный для отдыхающих на южном курорте без своих половинок. И пьяные не столько от вина, сколько от чувства пьянящей свободы, которую дает море, солнце, и множество красивых девушек, посетители-мужчины вновь и вновь заказывали ее местным музыкантам; и обычно этой же песней усталые музыканты заканчивали свое вечернее выступление.

Да, запустение и провинциальность царили в Гаграх, но море... Только оно было таким же, как и тридцать, и пятьдесят лет назад: чистые песчано-галечные пляжи, пальмы вдоль побережья, чайки, важно разгуливающие вдоль берега и они – белые беседки-ротонды, излюбленные место фотографирования отдыхающих. Поздним вечером, само собой разумеется, в каждой ротонде сидит, обнявшись, влюбленная парочка, любящая на южное небо, усыпанное яркими звездами, на луну с ее отражением на темной поверхности тихо плещущегося моря.

Пансионат, в котором остановилась Катя, занимал высотное здание на берегу моря; к пляжу вела аллея, по обе стороны которой росли высокие пальмы; а со стороны гор был огромный сад из молодых инжирным деревьев.

Катю поселили на одиннадцатом этаже в одноместный номер. Комнатка была небольшая с обшарпанной мебелью и старым душем, но распахнув плотно сдвинутые темные шторы, она воскликнула от восхищения – прямо к их пансионату по синему морю пролегла солнечная дорожка, которую давало бледное солнце в зените. «Какая красота! Действительно рай, как говорила бабушка», – с восторгом подумала девушка. – И мне предстоит наслаждаться этим великолепием целых две недели! Спасибо, родители!».

За столом, куда ее посадили, она была пятой. Напротив нее сидели молодожены из Омска, сиявшие от счастья, как и их новенькие обручальные кольца. Они только что закончили Академию милиции и оба собирались работать следователями. Глядя на хрупкую Олеся, так звали молодую жену, с трудом верилось, что она будет, по ее словам, «возглавлять следственно-оперативную группу». Сейчас Олеся в полной мере радовалась своему женскому счастью и меняла

наряды к каждой трапезе. По правую сторону от Кати сидела пара возраста ее родителей. Как оказалось, она их будущая коллега, правда, оба были стоматологами и очень удивились, что она в столь юном возрасте уже выбрала специализацию врача-косметолога. Обе пары проявили к Кате дружескую симпатию и приглашали совместные на экскурсии. Поблагодарив, она отказалась. Первой паре явно не нужен был третий, а со второй она бы вновь чувствовала себя ребенком. «Я только что оказалась без родительской опеки, хочется свободы и самостоятельности!» – рассуждала она.

Одиночество Катю не тяготило, и особой потребности с кем-то познакомиться у нее не возникало. Утром и вечером она пропадала на пляже, много плавала, нежилась в теплой воде, заплывала за буйки, и лежа на спине, любовалась высоким синим небом без единого облачка – таким несвойственным для среднерусской полосы.

Днем она посещала местные экскурсии, о которых много слышала также от бабушки. Уже успела полюбоваться красотами Новоафонской пещеры, ее холодными прозрачными озерами и знаменитыми Геликтивным гротом и галереей «Каменных цветов». А поздним вечером, когда солнце садилось за горизонт, и пляж отдыхал после шума и суеты, Катя сидела на берегу, усеянном мокрыми морскими водорослями, радовалась оранжевому небу в лучах заходящего солнца и набегающей волне, ласково прикасающейся к ее ступням и слушала монотонную музыку отползающих волн – «оxxx, уxxx». В этот момент она была безмятежно счастлива, как может быть счастлив человек, ценя эти текущие мгновения счастья, но предвидя, что и дальше будет еще лучше – новые встречи, университет и конечно, любовь, одна и на всю жизнь, как у бабушки с дедушкой или как у ее родителей. И вообще, тихо радовалась Катя – «Жизнь прекрасна и удивительна!».

Глава 2

Третий день безмятежного отдыха. Катя лежит на раскаленном песке с закрытыми глазами, голова пуста от всяческих мыслей. Прикрыв лицо соломенной шляпой, она наслаждается негой и ленивой тишиной, прерываемой только криками восторга детей, увидевших стайки мелких рыб или прозрачных скользких медуз у кромки моря, да криками чаек вдалеке.

«Как хорошо, весь день бы так провалялась», – посетила ее головку единственная мысль. Но внезапно, как от щелчка, она резко подняла голову, шляпу упала с лица, и взгляд приковало к высокой стройной фигуре юноши в светлых одеждах на фоне сливающегося на горизонте голубого неба и догоняющего его лазурного моря. Поза незнакомца была олицетворением абсолютно свободного человека – это он центр мироздания, и солнце светит только для него!

Два подростка пробежали мимо нее и с визгом врезались в воду, и только тогда Катя отвела на некоторое время взгляд от незнакомца.

– У меня солнечный удар. Явно перегрелась на солнце, принцы мерещатся, – в смятении подумала Катя, но опять против своей воли стала рассматривать юношу.

Наконец незнакомец прервал свое одинокое созерцание морских красот и лениво повернул голову в Катину сторону, вероятно, затылком ощущая чей-то пристальный взгляд. Он увидел худенькую рыжеволосую девчушку лет пятнадцати-шестнадцати, с устремленными на него большими темными глазами. Встретившись с ним взглядом, она не отвела глаза, но лицо предательски вспыхнуло ярким румянцем, как у ребенка, застигнутого на месте «преступления». Через несколько секунд, он также лениво отвернулся, всем своим видом демонстрируя полное равнодушие.

– «Ну и пожалуйста!», – разочарованно подумала Катя. – Я и не собиралась ни с кем знакомиться!». В эту минуту даже самой себе ей было трудно признаться, что ей очень, ну очень хочется с ним познакомиться!

Катя не считала себя красавицей. Да это и немудрено, когда у тебя мама яркий пример изысканной женской красоты. Но и к дурнушкам она тоже себя не причисляла; мужским вниманием, в основном своих сверстников, явно не была обделена, а очень даже наоборот: ей признавались в симпатии самые заметные мальчишки в школе, но ни один из них не разбудил в ней ответного чувства. Правда, была у нее непродолжительная влюбленность в Славку из параллельного класса, когда ей было пятнадцать лет, но это как-то очень быстро прошло, не оставив следа в юном сердце.

Кате была девушкой сентиментальной, и в мыслях она представляла, что тот, ее единственный, должен быть необыкновенным, не похожим на других, каким-то особенным; и она его сразу «распознает сердцем», как только увидит.

Катя видела, что, простояв праздно несколько минут, незнакомец неторопливо, обходя лежащих и сидящих людей, покидал пляж. Проходя в двух шагах от девушки, он пристально посмотрел ей в глаза. За эти несколько секунд Катя смогла рассмотреть его лицо, не выдавая заинтересованного взгляда под темными солнцезащитными очками, которые она догадалась надеть. Юноша был удивительно красив: правильные черты лица, чуть смуглая кожа, четко очерченные губы, густые темно-каштановые волосы. Но больше всего поразили его глаза – прозрачные, зелено-серые с длинными темными ресницами.

«Такие глаза могут быть только у очень самовлюбленных людей», – почему-то подумала тогда Катя.

После ухода юноши, она уже не могла разнежено, сонной мухой валяться на пляже, все ее мысли вертелись вокруг незнакомца. Мысли, которые занимают головки юных девушек при виде «принца», или «единственного и на всю жизнь», или «вот вы вошли, я обомлела» и так далее, то есть ЕГО.

Вечером, придя на пляж, Катя стала искать глазами незнакомца, но, к ее разочарованию, его не было. Не встретила его она и на утро следующего дня. «Уже уехал», – разочарованно и грустно подумала девушка.

Перед заходом солнца вдоволь наплававшись и нанырвавшись, она лежала на своем полотне с оленями, положив голову на согнутые руки, рассеянно наблюдала за небольшой группой молодых людей, азартно игравших в пляжный волейбол. И тут она увидела своего вчерашнего незнакомца – в светлых льняных брюках, свободной белой рубашке с закатанными до локтей рукавами, и темных очках – он был очень импозантен.

Увидел незнакомец и Катю и направился прямо в ее сторону. Рядом с ней лежала стройная высокая девушка; увидев идущего в их сторону такого красавца, она томно изогнулась, поправляя длинные блестящие волосы.

«Он идет ко мне? Идиотка! Зачем я так вчера глазела на него!» – в испуге подумала Катя, уже забыв, как хотела увидеть его эти дни, как ее взгляд искал его повсюду и как грустила, предположив, что он уже уехал.

Сердце ее екнуло и упало в пятки. Имея небольшой опыт знакомства с молодыми людьми (школьные ухажеры не в счет), в первую минуту Катю охватила паника – «Как себя вести с незнакомым и очень понравившимся взрослым мужчиной?!»

– Здравствуйте, мадмуазель! Кажется, позавчера я вас заинтересовал, извините, что тогда же не познакомился, торопился на экскурсию, – произнес импозантный красавец тоном больше уместным при знакомстве с ребенком, чем с понравившейся девушкой. Он снял солнцезащитные очки и слегка к ней наклонился.

«Какой самоуверенный тип!» – возмущенно подумала Катя, уже в некоторой степени справившись с овладевшими при виде его бурными эмоциями. Она села и, преодолевая смущение и стараясь сдерживать дрожь в голосе, придав ему нотки равнодушия, и как ей казалось с небрежной иронией взрослой женщины сказала:

– Здравствуйте, самоуверенный субъект,

– О, я уже субъект. Интересно! Давайте знакомиться – Вениамин, – рассмеялся он и протянул руку.

«Какая красивая кисть, – невольно отметила Катя, и снова смутилась и от его смеха, и от протянутой им руки. Ее округлое лицо с нежными веснушками покрылось прелестным румянцем, так шедшим к ее пышным рыжеватым волосам, придавая всему облику притягательной детскости.

– Екатерина, – церемонно ответила она слегка дрогнувшим от волнения голосом, и протянула ему тонкую слегка загорелую руку. Когда она встала, то едва доставала ему по плечо.

«Какая милая забавная девчушка, скорей всего, провинциалка», – подумал Веня и снова рассмеялся, демонстрируя ряд ровных белых зубов. Смушение, которое эта девушка-подросток пыталась скрыть под маской напыщенности, доставляло ему явное удовольствие.

Катя была чуть ниже среднего роста, обладательница легкой стройной фигурки. Пышные золотистые волосы ниже плеч обрамляли ее нежное лицо с веснушками на чуть вздернутом носу; огромные темно-карие глаза, отороченные густыми темными ресницами, смотрели с любопытством. И ни грамма косметики. Сама естество и юность. Цвет волос, веснушки, мягкий взгляд и открытая улыбка – все вместе создавало впечатление, будто солнечный свет искрится на ее юном лице.

Через несколько минут общения с Катей, Веня вдруг поймал себя на мысли, что с этой милой девчушкой – «Рыжиком» (как он мысленно окрестил) ему было удивительно легко.

– Можно называть вас просто Катей и на тебя? – спросил Веня.

Между ними быстро установились теплые доверительные отношения. Никто из них не ощущал напряжения, обычно возникающего в первые мгновенья знакомства девушки и юноши; или скрытого флирта, возможного в подобных ситуациях. У Вени к этой хрупкой юной девушке, похожей на подростка, не возникло чувств, носящих романтический или чувственный характер. Скорее Катя пробудила сентиментальное чувство, которое он мог бы испытывать, будь, к примеру, у него младшая двоюродная сестренка. И ему, по его собственному внутреннему определению, захотелось взять над Катей шефство; он вдруг почувствовал себя защитником, в роли которого ему еще никогда не доводилось быть. Только от кого и от чего он собирался ее защищать уточнять не стал. «Да хотя бы от темпераментных кавказцев с их призывами «дэвушка, красавица, «персик», «давай подвезу».

Веня был москвич в пятом поколении, все в его роду имели профессии, связанные с творчеством. Сам он четыре года назад окончил художественный институт и сейчас «ходил» в статусе молодого, подающего большие надежды художника. Обаятельный, харизматичный, он пользовался большой популярностью у красивых девушек своего окружения, особо не обременяя себя сложными или длительными отношениями. В Гагры Веня прилетел на десять дней, чтобы развеяться, отдохнуть от душной, суетной и деловой Москвы, и «набраться» новых художественных впечатлений. Но основной причиной приезда было то, что на этом этапе жизни у него возникла потребность в одиночестве. Впечатлений он уже набрался, а в одиночестве несколько заскучал. И, как он подумал, знакомство с миловидной застенчивой девушкой Катей внесет разнообразие в оставшиеся дни пребывания в этом южном живописном городке.

Так было положено начало их знакомству и... отношениям. С Вениной стороны – это была скорее покровительственная дружба, с Катиной – восхищение перед его внутренней свободой, так для себя она определила его поведение, и красотой, которую всегда боготворила в людях.

Днем они с экскурсией или вдвоем осматривали знаменитые достопримечательности, живописные места Абхазии. Веня успевал и поработать, много фотографируя профессиональным аппаратом. А поздним вечером они купались в теплом, прогретом за день ласковым

море, и вдоволь наплававшись наперегонки, без сил падали на остывший сырой песок, не испытывая неловкости от случайного прикосновения к полуобнаженным телам друг друга.

После купания, взявшись за руки, они гуляли по слабоосвещенным улицам и густым темным аллеям вечернего городка, дыша пропитанным его запахом остывающего морского воздуха с вплетенными в него ароматами кофе, поспевающего инжира, острой еды и специй, или сидели на берегу моря, слушая шум волн. Им было очень комфортно друг с другом. Они подолгу говорили обо всем, что могло волновать близких или давно знакомых людей, истосковавшихся по общению после долгой разлуки. Надо признать – больше говорила Катя, а Веня внимательно слушал и дополнял уточняющими вопросами ее монолог; но и он иногда был предельно откровенен с ней. И для него это был необычный формат общения с девушкой, новый.

Как оказалось, они оба были единственными детьми в семье, страдали в детстве от одиночества и мечтали иметь брата или сестру.

– Мои родители очень хотели еще ребенка. Особенно папа. Но, к сожалению, мама потеряла ребенка на позднем сроке беременности. Как мы все переживали! А так как я у них единственная, то бабушка и мама очень тревожатся за меня, опекают, считая, что я еще маленькая, хотя мне уже восемнадцать лет! Но я на них не обижаюсь, понимаю, что хотят уберечь от «темных сторон жизни», – с улыбкой рассказала девушка.

– А отец? – спросил Веня.

– Папочка тоже тревожится, хотя внешне старается этого не показывать. Он с малых лет учил меня самостоятельности, доверяет мне, считая, что я смогу за себя постоять. Он даже в детстве водил меня в кружок айкидо.

– Хорошая у тебя семья. А моим родителям, по-моему, и единственный ребенок не очень был нужен. Я больше нуждался не в сестре или брате, а в родительской любви, – с легкой грустью сказал Веня. И Катя легким сочувствующим жестом прикоснулась к его руке. Улыбнувшись ей и положив свою ладонь на ее руку, он продолжил:

– Но мне тоже повезло. Меня воспитывали супер – бабушка и дедушка. Они и были моей семьей, и любовь свою дарили в избытке. Дедушка умер около десяти лет назад, а бабушка до сих пор такая же опекающая, как и твоя, хотя и пытается этого не показывать.

Правда, Веня несколько лукавил, говоря, что всегда хотел иметь брата или сестру. В семнадцать лет он понял некоторые преимущества единственного ребенка в семье, когда ему после смерти прабабушка, известной актрисы одного из московских театров, выделили небольшую квартиру на Ленинском проспекте.

– А потом, согласишься, когда ты единственный ребенок, то от тебя ждут слишком многого, возлагается много надежд, – продолжала Катя, – и хочется не подвести родных, в какой-то мере соответствовать их ожиданиям.

– Наверное, я как-то об этом не задумывался, – ответил Веня.

В этих долгих задушевных разговорах Катя неожиданно открылась для него с другой стороны: если в первые минуты знакомства он увидел в ней непосредственную провинциальную милую девчущку, то уже через несколько часов общения невольно отмечал присущий ей ум и женскую мудрость, которая редко встречается у столь юного существа.

К его удивлению, Катя довольно-таки прилично владела информацией о французских экспрессионистах, очень хорошо знала работы итальянских живописцев эпохи Возрождения. Когда же он рассказывал об Италии, где уже успел побывать несколько раз, то не смотрела с восхищением ему в рот, в отличие от знакомых девушек, а проявляла искреннюю любознательность, основанную на живом интересе.

Она знала наизусть стихи Гумилева, Блока, Баратынского, Саши Черного и других поэтов, имен которых он никогда не слышал. Особенно Катя любила Баратынского:

– «Есть что-то в ней, что красоты прекрасней, что говорит не с чувствами – с душой», – со смущением декламировала девушка.

К своим восемнадцати годам Катя прочитала всю английскую и французскую классику, могла цитировать наизусть главы из «Евгения Онегина», знала работы многих русских философов, труды которых он никогда не открывал, хотя они и занимали почетное место в обширной библиотеке его деда, блестя золотыми корешками.

Даже то небольшое, что он помнил из школьного курса, открылось для него по-новому; он впервые ощутил дыхание поэзии, слушая вдохновенное Катино чтение стихов. В свое время он с трудом осилил три главы из обязательного в школе многотомного «Войны и мира», а Катя так увлекательно рассказывала об этом произведении, что ему невольно захотелось открыть страницы этого эпохального романа и вдумчиво прочитать, а не перелистывать, ища эпизоды для написания школьного сочинения.

– Роман «Война и мир» я прочитала два раза.

– Ух ты, – с восхищением и с присущей ему иронией сказал Веня. – А зачем?

– Ну, когда читала в первый раз лет в четырнадцать, то страницы про войну или пропускала, или читала через строку. Зато перечитывала моменты, связанные с Наташей Ростовой, про ее первый поцелуй, первую встречу с Андреем Болконским, ее знаменитый первый бал. Мне она казалась возвышенным, неземным существом. Я даже пыталась подражать ей.

– Поехала на школьный бал, – продолжал иронизировать Веня.

– Нет, – не обращая внимания на его тон, ответила она. – Однажды мы с родителями отдыхали в санатории на Волге, и когда они уснули, я, как Наташа в романе, уселась на подоконник и стала любоваться прекрасной теплой ночью, пытаюсь воспроизвести в себе Наташино восхищение. Но уже через полчаса меня стало клонить ко сну, глаза слипались, любоваться звездами и слушать соловьиное пение сил уже не осталось; и, чтобы окончательно не свалиться с подоконника, поплелась спать, рассуждая, что я, к сожалению, начисто лишена романтических чувств.

– А второй раз, зачем прочитала? Уже влюбилась как Наташа Ростова? – вдруг охрипшим голосом спросил.

– Нет, в школе по программе надо было перечитать основной сюжет, но чтение снова меня увлекло. Тогда буквально покорила образ Андрея Болконского, заморозил его внутренний мир, восприятие себя и окружающих. Помнишь, – обратилась она к Вене, – его знаменитый монолог про бесконечное небо и ненужную земную суету, место человека в этом мире? А его разговор с Пьером Безуховым после бала даже выучила наизусть! «Весь мир разделен для меня на две половины: одна – она и там всё счастье надежды, свет; другая половина – всё, где ее нет, там всё уныние и темнота...», – процитировала девушка с напускной иронией, но скрыть волнение в голосе ей не удалось.

– Тогда же, через Андрея Болконского, смогла понять возникновения предчувствия любви у Наташи Ростовой, когда весь мир становится прекрасным, – трогательно продолжала она. – Бабушка, узнав про мое увлечение Андреем Болконским, сказала тогда: «Катенька, когда тебе будет двадцать пять, то захочешь в мужья не такого как Андрей Болконский, а больше похожего на Пьера Безухова».

– Бабушка, но он же толстый и смешной, а Андрей такой красивый и умный! – возразила ей.

– Детонька, вот через десять лет и поговорим, – смешно подражая бабушкину голосу, с умилением сказала Катя.

– И, между прочим, мое сочинение по «Войне и миру» заняло второе место в городской олимпиаде по литературе! – совсем уже по-детски похвасталась она, устремив на него сияющие в темноте глаза.

– Смешная ты, Катька! – И с нежностью подумал: – «Неужели такие девушки еще есть! Девятнадцатый век и только! Насколько я помню, девчонки из моего «продвинутого» класса школы для элитных детей называли Наташу Ростову не иначе как «восторженной дурой» или

«курицей-наседкой», и уж точно никто не хотел быть на нее похожей! Скорее наши девчонки симпатизировали красавице – Элен, чем «простушке» Наташе. Да и в «девяностые» самой желанной профессией у десятиклассниц была профессия «валютной проститутки». Разумеется, никто из них не занялся столь прибыльным «мастерством», все получили высшее образование, вышли замуж, некоторые уже успели развестись», – думал Веня с явной симпатией о рядом сидевшей девушке. – «А в ней столько искренности, трогательной простоты и детской наивности, но в то же время присутствует и некая изюминка, придающая ей такое женское очарование!»

– А почему ты поступила в медицинский университет, а не пошла на филолога? – после возникшей паузы спросил ее Веня.

– Все очень просто. Во-первых, кроме того, что я люблю читать, еще с раннего детства также очень любила лечить. Залечивала своего кота, который терпеливо принимал воображаемые лекарства, кукол и всех подружек. Хотела стать или ветеринаром, или педиатором. А лет в двенадцать увидела портрет Натальи Гончаровой и была очарована этой женщиной. Кроме неземной красоты меня поразила грусть и отрешенность в ее глазах. А так как меня всегда привлекали красивые люди, то для меня венцом внешней и внутренней красоты стала она – Натали – «чистейшей прелести чистейший образец».

Потом подумав, добавила:

– Восхищаться и ценить красоту меня научила бабушка. Жаль, что я внешне не в маму – красавицу, а скорее в папу, хотя он тоже симпатичный, – с нескрываемым кокетством сказала она. – Вот мне и захотелось помогать женщинам в сохранении их природной красоты.

– А мне не симпатичны женщины с перетянутым лицом, – ответил Веня, вспомнив «неувядаемую» молодость матери. – Лучше уж симпатичные морщины, чем маска.

– Это позиция мужчины, а женщины всегда хотят выглядеть моложе! – с возмущением ответила девушка. – Мама тоже была категорически против моего решения, говоря, что в женщине главное не внешняя красота, а внутренняя.

– Да она абсолютна права!

– Хорошо говорить так, с ее то внешностью! А некоторым не нравится большой нос или уши, что же теперь, всю жизнь мучиться комплексами?

– Ну, если уши как у осла, тогда конечно, нужно отрезать! – со смехом ответил он.

Катя обиженно надула губки, но через секунду также прыснула от смеха. Успокоившись, уже серьезно сказала:

– Ну, красота – это субъективное понятие. Кто-то и с огромным носом счастлив, а кто-то и с кукольным личиком с грустью смотрится в зеркало, – рассуждала девушка. – А помогать людям в осуществлении их мечты, все-таки надо! – добавила она с горячностью.

– Да это я так, Катя, извини. Действительно, если люди хотят быть красивыми при помощи ножа хирурга, то почему бы и нет. Это их право, – согласился Веня. – Главное, чтобы «наводить красоту» нравилось тебе.

– Мой дедушка, мамин отец, которого я видела только на фотографиях, был очень красивый, лучше любого американского актера, – после паузы тихо сказала Катя. Ей хотелось сказать: «Красивый, как ты», – но от этой мысли она в смущении опустила глаза и слегка зарделась, но быстро справившись с эмоциями, с гордостью продолжила:

– Моя бабушка в свои почти семьдесят без вмешательства хирурга выглядит моложе минимум на 10 лет, и никаких засаленных халатов, стоптанных тапочек: прическа, маникюр, прямая спина; и при этом еще сказочно готовит!

– Рыжик, ты описываешь портрет моей бабушки, – засмеялся Веня. Впервые он вслух так назвал Катю.

– Рыжик? – удивилась она. – Хотя мне нравится. В шестнадцать меня в школе называли Белочкой. А мне нравится твое имя – я буду называть тебя только по имени – Венечка. А в детстве как к тебе обращались?

– В школе – Лазарь, бабушка с дедушкой, как и ты – Венечка, а родители – Веня. Правда, отец больше называл Вениамином.

В общении и узнавании друг друга время летело незаметно. В пансионат молодые люди возвращались обычно поздно, когда городок уже спал после бурной курортной ночи, и прощались у двери Катиного номера до следующего утра.

Катя, несмотря на юный возраст, очень точно поняла свободолюбивую душу Венечки. К нему, на ее взгляд, вполне можно было применить одно из высказываний Эриха Фромма, которого так любил цитировать папа: «Мы не должны никому давать объяснения и отчитываться... Свободный человек должен объяснять что-либо лишь самому себе – своему уму и сознанию». И это чувство свободы в Венечке ей удивительно нравилось. А еще Кате было лестно внимание такого взрослого мужчины, каким иногда она считала Веню. Ей было приятно, что он внимательно, не перебивая, слушает ее длинные монологи; не называет «книжным червем» в отличие от ее ровесников, интересующихся больше компьютерными играми, чем высказывания какого-то Сенеки, жившему около двух тысячелетий назад, и «высшей добродетелью для которого была верность самому себе». Именно эту мораль Катя стремилась воплотить собственную жизнь, которую, на ее взгляд, демонстрировал Веня.

Наивная, чистая, смешная Катенька, «белая ворона»! Разве Сенека или поэты девятнадцатого века должны интересоваться симпатичную девушку в начале 21 века!

Глава вторая

Девушек, подобных Кате, Веня никогда раньше не встречал. Обычно он общался и влюблялся в девушек модельной внешности, внутренний мир которых его мало интересовал: «При таких-то ногах он вроде бы не чему!». Его всегда привлекала больше внешняя красота, чем внутренняя. Миловидная начитанная Катя, при весе чуть больше сорока и росте около 160 см, ну никак не тянула на модель. От ее фигурки веяло детской беспомощностью, а никак не сексуальностью.

Но Веня все чаще ловил себя на том, что постоянно думает о ней. Она занимала все его мысли. Он осознавал, что влюбляется в эту малопонятную, но так манящую к себе девушку! Вене нравилось в Кате все; но особенно притягивала ее нежная сияющая улыбка, которая мгновенно вспыхивала и озаряла светом ее милое лицо. Ему хотелось целовать ее припухшие детские губы, прикоснуться к чистой, чуть тронутой загаром коже, гладить шелковистые золотистые волосы. Он уже не мог, как прежде, схватить Катю высоко на руки и бросить в воду, визжащую как ребенок от восторга – «Венечка, а-а-а!»; или просто устало лежать вместе с ней на уже остывающем песке после вечернего заплыва «кто дальше и быстрее», слегка соприкасаясь полуобнаженными телами. Но признавшись в своих чувствах себе, он боялся нарушить гармонию, возникшую между ними и так сблизившую их; и поначалу стоически сопротивлялся нарастающему желанию, возникшему помимо его воли.

«Стареешь, Венечка. Тебя уже Лолиты привлекают. Море и солнце способствуют влюбленности, а, старик?» – с иронией думал он о себе, стараясь подавить возникшее чувство. Но с каждым часом делать это было все труднее.

Веня уже не чувствовал себя рядом с Катей таким московским «мачо», много повидавшим и хорошо познавшим этот мир; скорее он ощущал себя четырнадцатилетним подростком, впервые влюбившимся и робеющего в присутствии субъекта своего восхищения. Его переполняли чувства обожания, нежности и преклонения, но при этом он пребывал в растерянности, поскольку впервые не знал, как вести себя с девушкой, которая безумно ему нравится – не мог предвидеть, как поведет себя Катя, если он откроется ей. «Я никогда прежде не испытывал

ничего подобного, это как внезапная стихия, от которой невозможно укрыться и спрятаться. Надо только довериться провидению», – думал он в смятении.

Своей только что зарождающейся женской интуицией Катя почувствовала его нарастающее желание. Когда мужчина заинтересован в женщине, проявляет восхищение и симпатию к ней, то она невольно осознает это. В женщине рождается отклик на это восхищение, который постепенно разрастается, и она ...влюбляется.

То же происходило и с Катей. Интуитивно уловив чувство, которое Веня питает к ней, она испытывала радость и гордость от впервые появившегося ощущения своей женской власти над ним, но кроме этого, в ней созревало желание сделать счастливым его – Венечку.

Попрощавшись с Веней поздним вечером у двери своего номера, Катя долго лежала без сна на узкой кровати в душном номере, и мысленно восстанавливала мельчайшие подробности, связанные с ним, предаваясь девичьим мечтам и сомнениям:

«Разве может Веня по-настоящему полюбить меня, как папа любит маму? Он – взрослый, состоявшийся и такой красивый! И он старше меня на семь или восемь лет. Хотя папа тоже старше мамы, правда, всего на три года. А я, кажется, по-настоящему влюблена. И влюбилась еще тогда, когда первый раз увидела его на пляже, только сегодня поняла это!»

Первая любовь переполняла ее чистую душу; любовь, у которой нет опыта; любовь, которая полна надежд! Чувство, такое естественное и такое всепоглощающее в юном возрасте. «Веня, Венечка – какое красивое имя. Я такая счастливая!».

«Нет, надо поделиться с кем-то тем, иначе можно задохнуться от счастья!». Она вскочила с кровати и достала тоненькую тетрадку, заботливо положенную бабушкой со словами: – Будешь писать, Катенька, письма раз в пять дней!

Удобно уселась на кровать, подогнув под себя ноги, она стала писать письмо подруге:

«Машка, я такая счастливая! Я влюбилась!»

Первый раз и навсегда! Только не смейся, действительно навсегда. Никогда и ни к кому я не буду испытывать то, что сейчас во мне!

Начну все по порядку. Извини, Машка, но и без тебя я отдыхала прекрасно и почти не скучала. Ты не представляешь, какая здесь красота! А море! Сказочное! Самое чистое море, какое я только видела, и народу много меньше, чем в это же время в Сочи; практически я одна доплывала до буйков и там лежала на морской глади в одиночестве, мечтая и смотря в чистое небо. И намечтала!

У него самое красивое имя на свете – Веня, Венечка! Я могу его повторять бесконечно, и оно звучит для меня как самая прекрасная музыка на свете! А познакомились мы на пляже, вернее, это я первая обратила на него внимание. В сердце произошел словно толчок, увидев его, я больше ничего и никого не замечала. Это был как солнечный удар! Он очень красивый, почти как дедушка Николай. Помнишь, как ты зачарованная смотрела на его портрет. Так вот и я, как зачарованная смотрела на этого юношу, но не только потому, что он красивый, а больше он поразил меня своей внутренней свободой, ему было ровным счетом все – равно, что скажут другие, он был в гармонии с собой и окружающими, как свободная гордая птица. Помнишь, как Набокова: «Есть в одиночестве свобода», так это про него, Венечку.

Машка, мы с тобой недавно мечтали, в кого можно влюбиться по-настоящему. Так вот Венечка именно такой, как я тогда описывала в наших мечтах – умный, красивый, внимательный, талантливый. Ты еще тогда посмеялась надо мной, сказал, что я «кисейная барышня и такого принца, о каком я грежу, сейчас в мире не существует. Вымерли как мамонты». Машка – существует!

Познакомились мы с ним только через день, как я его впервые увидела; он сам ко мне подошел. Хотя сейчас мне кажется, что если бы он этого не сделал, то я набралась бы храбрости или наглости, и подошла познакомиться к нему сама. Ему двадцать пять лет, он художник из Москвы. С первых минут нашего знакомства мы с ним общались очень легко и просто. Ни

с кем мне не было так хорошо, даже с тобой, Машка. Мне кажется, я с ним могу говорить обо всем, а он будет внимательно слушать и только иногда иронизировать на мои эмоциональные высказывания, охлаждая мой пыл. Даже в самых смелых мечтах я не предполагала, что встречу человека так хорошо меня понимающего и тонко чувствующего. Сегодня прошло только пять дней, как мы знакомы, а мне кажется, что я знаю его всю жизнь. И дальше хочу узнавать – тоже всю жизнь, но уже рядом с ним. Сейчас, когда я влюблена, весь мир кажется мне еще прекрасней: луна, которая диском повисла на небе; и само небо, почти черное, с яркими звездами; и море, «ухающее» вдалеке. Смотрю на звезды и с замиранием сердца жду, а вдруг одна из них начнет падать и надо успеть, не пропустить и загадать желание! А желание у меня одно – быть рядом с Венечкой, дарить ему свою любовь и быть любимой им!

Не знаю, как завтра взгляну на него. Мне, кажется, он все сразу прочтет на моем лице. Ты же мне всегда говорила, что я не обладаю мастерством скрывать свои чувства, таким важным для женщины.

Машка, извини за сумбурное письмо, но я уверена, что ты меня поймешь и порадуешься за меня. Скоро уже ночь закончится, небо посветлело, пора спать. Пока. Твоя влюбленная подруга Катя».

Но рой мыслей еще долго не давал ей заснуть. Изнутри распирало чувство, ранее не испытанное ею, сердце учащенно билось, губы и щеки пылали. Неожиданно для себя она медленно с нежностью провела указательным по шее, набухшим соскам, почувствовав, как дрожь пробежала по всему телу. При этом она испытывала стыд и в тоже время мучительную сладость, разливавшуюся в теле и ранее не известную ей!

Наконец, на рассвете здоровый сон настиг Катю, и она крепко уснула, улыбаясь своим мечтам.

На следующее утро девушка, надев свое любимое белое очень простое платье, которое ей удивительно шло, трогательно подчеркивая ее чистоту и грациозность, ждала Веню у выхода из пансионата. За прошедшую «мечтательную» ночь в Кате произошли трогательные перемены превращения милой застенчивой девушки в пленительную, очаровательную юную женщину, как происходит на рассвете превращение бутона в чудесный цветок.

Увидев Веню, она не смогла сдержать смущения и опустила глаза; ей казалось, что в них он увидит то, что чувствовало ночью ее тело и сердце. Когда Веня, как обычно взял ее за руку, то холодные пальчики предательски дрогнули, а на глазах выступили слезы. И не в силах сдержать эмоции, она резко одернула руку и быстрым стремительным шагом полетела вперед. На берегу, одним рывком сбросив платье и, не дожидаясь юноши, она побежала к морю, сразу же окунувшись с головой в его прохладные утренние волны.

Веня догнал ее уже за буйками, расслабленно лежащую на морской глади и улыбнувшуюся ему своей обычной светлой улыбкой. Как будто этим внезапным броском Катя сбросила возникшее в ней напряжение, не позволяющее непринужденно общаться с ним, как прежде. Но через минуту, посмотрев друг другу в глаза, оба поняли, что «как прежде» уже невозможно. Их обоих накрыло волной чувств!

Этим днем они решили пойти в горы, без экскурсий и проводников – вдвоем. Переодевшись в футболки, шорты и кроссовки и узнав у местного жителя дорогу, они смело направились покорять горную вершину. Дорога превратилась в узкую крутую тропинку, петляющую между колючими кустарниками кизила, лавровишни, а иногда и дуба, корни которого служили ступеньками. Чем выше они поднимались, тем труднее был путь; вот за поворотом блеснуло вдалеке море и снова густой кустарник переплетается с хвойными и вечнозелеными деревьями, названия которых они не знали. Веня шел впереди, постоянно оглядываясь и предлагая Кате руку, если была скользкая глиняная тропа или крутой опасный подъем. Преодолев очередной

крутой подъем, и видя, что Катя одолела его с усилием, Веня предложил девушке передохнуть недалеко от бегущего тоненькой струйкой горного ручья.

– Ух, как я устала! – вздохнув, сказала она, усаживаясь на упавшее высохшее дерево.

Веня достал из рюкзака купленные в кафе чебуреки и зеленое крупное яблоко и протянул его Кате.

– Осталось последнее, – извиняющим тоном произнес он.

– Спасибо, яблоки мои любимые фрукты, особенно зеленые.

– Надо же! Я тоже больше всего люблю зеленые яблоки! – с удивлением сказал он.

Они с жадностью съели чебуреки и напились ломящей зубы прозрачной горной воды.

Насытившись, долго говорили о своих родных, о доме, о том, что в этом почти первобытном для городского человека месте, где они находились в полном одиночестве, казалось все таким далеким и таким нереальным.

– Веня, а ты боялся чего-то или кого-то в детстве? – неожиданно спросила Катя.

– Не помню, может быть пауков. Но я их и сейчас не очень жалую.

– А я в детстве боялась смерти, – сказала она и увидела удивление в Вениных глазах.

– Почему ты сейчас об этом вспомнила?

– Не знаю, возможно, потому, что мы с тобой сидим в темном прохладном лесу, а если пройти метра два, будут ослепительное солнце, и еще напротив нас красивая южная пихта. Все это напомнило мне другую картину. Когда мне было пять лет, умерла моя прабабушка; а жила она в глубинке в маленьком городке. Когда мы приехали туда и зашли в дом, то сразу наткнулись в коридоре на венок из пихтовых веток; в комнатах было темно и много людей, в основном пожилых и все плакали или говорили шепотом, и все вокруг пропахло пихтой и какой-то безысходностью. Обо мне как-то сразу забыли, и я забилась в угол и боялась зайти в комнату, где стоял гроб, и чувствовала себя такой одинокой и потерянной среди людей. Наконец, меня увидела мама, наверное, мое выражение лица ее испугало, она схватила меня, накинула шубку, и мы вышли на улицу, а там нас сразу ослепило яркое зимнее солнце. Мама меня прижала к себе и очень печально проговорила: «Солнце и темнота». А я тогда спросила: «Мамочка, смерть – это темнота?». Она ничего не ответила, только крепче прижала меня к себе и заплакала. С тех пор я еще года два боялась одна зайти в темную комнату, мне казалось там сидит смерть. Потом это прошло, но до сих пор, если я одна дома, то зажигаю свет во всех комнатах. И вообще – я очень люблю солнце! – воскликнула она.

– Маленькая моя, ты сама как солнышко, – ласково сказал Веня и, положив руку ей на плечо, слегка прижал к себе.

Катя смутилась и от его слов, и от жеста, но руку не убрала, а сидела замерев. «С Венечкой мне ничего не страшно!» – подумала девушка, а вслух сказала:

– Венечка, а я никогда не была в горах, это мой первый поход.

– Рыжик, знаешь, я тоже сегодня сделал это впервые. А в детстве очень мечтал о походах в горы вместе с отцом, только с ним вдвоем, и никого вокруг, как сейчас, – как-то грустно сказал Веня, и, посмотрев на Катю, весело добавил: – Ну, пойдём покорять нашу первую вершину, осталось несколько десятков метров! Вперед, покорительница!

Когда немного запыхавшись, они достигли гористой вершины с одиноко стоящими невысокими кривыми пихтами и чахлой травой, то перед ними открылся восхитительный вид. Оба «покорителя гор» не смогли сдержать возглас восхищения от этого зрелища. У подножия гор лежал городок, весь утопающий в зелени, скрывающей «покалеченные» войной дома и запустение; по синему небу огромные, величаво плывущие бело-розовые облака, разделяющие море и небо! И все: пихта, трава, воздух было пропитано свежестью лазурного моря!

Веня от такой красоты даже оторопел, он редко рисовал пейзажи, а сейчас ему было жаль, что не взял с собой красок и мольберт. Какая бы получилась картина – тоненькая девушка

в белой футболке и шортах на вершине горы, опираясь рукой на одинокую корявую пихту, восторженно смотрит на бескрайний простор морской глади!

«Катя! Ни с одной из своих предыдущих девушек ему никогда не захотелось бы пойти в горы, только в кафе или ночной клуб», – думал он, любуясь ее разгоряченным лицом, слушая восхищенные возгласы. Он встал у самого обрыва, раскинул руки и закричал: «Катюша! Рыжик! Лепота!!!».

Действительно, влюбленное сердце хочет подарить весь мир, всю вселенную своей любимой!

К ужину они вернулись голодные, уставшие, но такие счастливые!

В этот вечер им не хотелось купаться. Они долго сидели на берегу моря, слушая шум его волн, которые ласково касаясь гальки, со вздохом уносили ее за собой.

– Смотри, Веня, – воскликнула Катя, – красная луна!

Действительно, низко над морем на фоне темного неба висел диск огненно-красного цвета, «как будто выросший со дна», и отражающийся в темной воде. Зрелище было восхитительно-фантастическое. Веня положил руку на плечо девушки, слегка прижимая ее к себе, и так они долго сидели, не проронив ни слова – в блаженном молчании родственных душ громко говорили их сердца. И красная луна, свет звезд, шум волн, и все эта красота южной ночи стала только их миром, миром для двоих.

– Пойдем, Катюша, уже становится прохладно, – нежно сказал Веня.

Он встал, протянул Кате руку и, держась за руки, не проронив больше ни слова, они, не спеша, словно оттягивая то, что должно произойти, пошли к пансионату. У двери Катиного номера Веня привлек ее к себе, и она почувствовала биение его сердца. Охватив ладонями ее побледневшее лицо с опущенными веками, он медленно, слегка касаясь, стал покрывать поцелуями ее щеки, виски, глаза. Потом притянув ее к себе, властно коснулся губ. Катя затрепетала в его объятиях, ее захлестнуло ранее неизведанное ей ощущение; и всем своим существом она потянулась к нему и растворилась в нем, чувствуя себя в его руках легкой, как пушинка. Все это время она старалась дышать медленно, словно с каждым последующим вдохом и выдохом боялась выдохнуть, потерять то огромное, прекрасное, что переполняло ее в это мгновение.

Для этих двоих это была «ночь, полная любви и нежности» как пишут в романах. Она манила, была полная обещаний и любви. Веня был таким трогательным, таким внимательным и терпеливым, каким он себя еще не знал. Он думал, прежде всего, не о своем чувственном наслаждении, а о Кате. Заснули влюбленные только на рассвете, когда первые лучи утреннего солнца, робко проникли в комнату, словно стыдясь коснуться их уставших обнаженных тел.

Проснувшись, Веня долго смотрел на Катю – на полуоткрытый по-детски рот, разметавшиеся по подушке золотистые локоны; и им овладевало необъяснимое чувство удовлетворения и полноты, словно что-то еще до конца не непонятое им, но такое долгожданное и желанное вошло надолго в его жизнь.

«Я хочу каждое утро просыпаться рядом с этой девушкой, моим нежным чудом, «Рыжиком», – внезапно подумал он. – Как так могло произойти, что всего за несколько дней эта девушка стала самым близким, родным и... любимым человеком? Я – эгоист до мозга и костей, как говорит мама, который всегда избегал привязанности, хочу любить и сделать счастливой эту хрупкую прелестную девочку?!».

Он точно вступал в новый и непривычный для себя мир, в котором появляется ответственность не только за свою жизнь, но за жизнь более слабого и любимого существа.

Было уже совсем светло, когда Катя проснулась. Еще не открыв глаза, она почувствовала пьянящий густой запах. Повернув голову, девушка увидела стоящий у кровати гостиничный тазик с розами, блестящими капельками росы, и наполнившими комнату своим медовым ароматом. На против кровати, удобно устроившись на стуле, сидел Венечка и улыбался, наблюдая ее пробуждение.

– Ты обчистил все местные клумбы, – с сонной улыбкой сказала Катя, – и нас арестуют как нарушителей общественного порядка, – и потянулась к нему тонкими руками.

Впервые она объединила их в одно целое, проговорив – «нас».

– Доброе утро, мое ласковое солнышко, – чувственно сказал Веня.

Он встал, взял в руки самую большую розу и, отрывая ее еще влажные лепестки, стал осыпать ими ее обнаженное юное тело.

– Рыжик, ты чарующая, как эта роза и ты – как «Весна» Боттичелли, – с восхищением сказал он, любуясь девушкой. – Я напишу твой портрет и назову его «Улыбка любви».

– И я навечно останусь в истории как возлюбленная великого художника Венечки Лазарева, – тихо засмеялась Катя, глядя на него снизу светящимися нежностью и любовью глазами.

Слегка дрожащим от волнения голосом, при этом испытывая необъяснимый восторг, Веня встал перед кроватью на колени и торжественно произнес:

– Рыжик, я люблю тебя, я очень тебя люблю. И хочу, чтобы мы были вместе.

Лицо его при этом было серьезным и таким трогательным! Он впервые в жизни произносил эти слова – *люблю тебя*.

«А разве может быть иначе, после всего, что с нами произошло?» – подумала Катя. Свою дальнейшую жизнь она уже не мыслила без него, он тот – «единственный», который «предназначен ей судьбой», ее Венечка! И сердце ее, готовое выпрыгнуть из груди от счастья, переполняли любовь и нежность к этому красивому и такому родному человеку!

Через три дня Веня улетал в Москву, и все это время они практически не расставались. Настигшее их чувство было подобно внезапному шторму, случившемуся после изнуряющей августовской жары, когда самые рискованные или безрассудные существа, несмотря на запрет, бросаются в пенистые высокие серые волны, чтобы получить дополнительный адреналин. Хорошо подготовленный пловец испытывает ни с чем несравнимый восторг, бросаясь в крутую пенистую волну, играет с ней, наслаждаясь ее качкой. Неумелый пловец, шагнув в штормящее море, может не справиться с первой волной, которая, накрыв его с головой, увлечет в бушующее море, и уже не будет у него сил выбраться из этой стихии.

Глава третья

Веня твердо решил – он заберет Катю к себе в Москву, он ее любит, только она нужна ему.

– Котенок, через четыре дня я дам тебе телеграмму. Ты к этому времени должна поговорить с родителями, чтобы они отпустили тебя ко мне. Я встречу тебя в Домодедово и уже больше никуда не отпущу, – говорил Веня, прижимая ее ладони к своим щекам и целуя тонкие пальчики.

Номер своего домашнего телефона уже в последний момент перед расставанием он записал на ее худеньком запястье. Катя же свой номер телефона и домашний адрес предусмотрительно записала на листочке, который Веня положил в карман рядом с билетом. Мобильные телефоны в начале нулевых были по карману только очень обеспеченным людям, даже для среднего класса это была диковинная малодоступная вещь.

Когда пассажиров его рейса пригласили к выходу, то Катя, всегда такая улыбчивая и жизнерадостная, вдруг скисла, в глазах стояли слезы, и она как мантру повторяла только одну фразу: «Я буду тебя ждать, я буду тебя ждать, Венечка...». Ее девичьи слезы, покрасневший носик вызвали в нем жалость и одновременно раздражение. Он всегда избегал женских слез, считая их орудием манипуляции. Но Катя, доверчивая, наивная, искренняя Катя, какой она манипулятор!

«Совсем как ребенок, расстаемся на несколько дней, а она как – будто прощается! – подумал тогда Веня.

Как только самолет взлетел, он крепко уснул, не слыша, как симпатичная стюардесса предлагала кофе, а пожилой сосед с трудом пытался перелезть через него спящего, чтобы пройти в конец салона. Тот же сосед его и растолкал, когда объявили о посадке.

В аэропорту Домодедово Веню встречал «старинный» друг Саня.

– Ну и красавчик! Сияешь как самовар! Неужели влюбился в юную – черкешенку? – говорил Саня, обнимая друга.

– Что, на моем лице, написано, что я влюбился? И как ты это определил?

– Да у тебя с лица не сходит глупая, блаженная улыбка! Неужели я попал в точку?

Они мчались по утреннему свободному шоссе на новенькой Ауди Сани, весело обсуждая накопившиеся за Венино отсутствие московские новости. Потом Веня рассказал ему о Кате.

– Ты прав, старик, я влюбился по уши, и счастлив, понимаешь Санька, я счастлив! И я женюсь на самой замечательной девушке на свете! – закричал он, высунувшись в окно автомобиля.

Последнее, что он помнил, мчащийся прямо на них грузовик...

За его жизнь боролась бригада хирургов и травматологов, а сама операция длилась несколько часов.

– Родился ты, братишка, «в рубашке», вытащили мы тебя с того света, теперь, сам старайся, не подведи нас, – сказал хирург после операции, обращаясь к Вене на операционном столе, представлявшего собой перебинтованную мумию и не слышавшего пожелания врача.

Родным Вени врачи давали неутешительный прогноз, полноценное восстановление вообще не рассматривая. По их предсказаниям в будущем после длительного курса реабилитации его ожидает либо инвалидная коляска; либо, в лучшем случае, что маловероятно при его травме, – костыли. Сам же процесс реабилитации займет не меньше полугода.

Когда Веня пришел в сознание и открыл глаза, то первое, что увидел, была мать – она спала, неудобно пристроившись на стуле рядом с его кроватью. Он смотрел на ее красивое усталое лицо со скорбной складкой у губ, мятый белый халат, накинутый поверх дорого французского костюма. Увиденная картина так не вязалась с тем образом, который он знал всю жизнь – всегда ухоженным, подтянутым, с прямой спиной, с идеальной прической и макияжем, что в сердце его пробудилась жалость к ней.

– Мама, – произнес Веня, но не услышал собственного голоса.

Она, как – будто почувствовав взгляд, пробудилась из состояния тревожной полудремы, и, увидев его глаза, устремленные на нее, порывисто бросилась к его кровати, лицом уткнулась в неподвижную руку сына и разрыдалась.

– Мальчик мой! Я боялась, что уже потеряла тебя! – причитала она сквозь слезы.

Веня был потрясен, он никогда не видел мать в таком состоянии, не припомнил случая, чтобы она так искренне и горячо проявляла подлинные эмоции! Театр – не в счет.

– Мама, сядь рядом, – прошептал он пересохшими и онемевшими губами.

Она села на стул, придвинув его вплотную к кровати, и одной рукой сжимала его ладонь, а другой гладила волосы поверх забинтованного лба. Слезы все еще катились по ее бледным щекам, оставляя бороздки, она не вытирала их, а только иногда облизывала губы. Молча, с глубокой нежностью и любовью смотрела мать на него. Наконец справившись с эмоциями, она оперлась на спинку стула и царственным жестом поправила прическу с растрепавшимися светлыми волосами; только растерянный взгляд, так не свойственный ей, выдавал мучившую ее тревогу и боль.

– Что со мной случилось? – с усилием спросил Веня.

– Вы с Сашей попали в ужасную аварию, когда ранним утром возвращались из Домодедово. Водитель грузовика уснул за рулем и врезался в вашу машину, – снова слезы навернулись на ее серо-зеленые глаза.

– Венечка, Саша погиб на месте, уже вчера похоронили. А ты, – всхлипывая и доставая носовой платочек, говорила она, – просто чудом остался жив. Тебя выбросило из машины.

И, о, провидение – в аэропорт ехал врач, который был свидетелем аварии; он и отвез тебя в ближайшую больницу.

Она не смогла сдержать слезы и разрыдалась, закрыв лицо ладонями. Вене хотелось взять ее мокрую от слез ладонь и прижать к щеке, как в детстве. Когда ему было года четыре, он тяжело заболел. Он лежал с высокой температурой, задыхаясь от ангины, и мама, а не бабушка, также всю ночь просидела у его кровати, держа в своих прохладных мягких ладонях его горячую ручку.

– Сыночек мой, тебе сделали несколько операций, и ты пробыл пять дней в коме! Слава Богу, ты выкарабкался! – она приложила платок к глазам, вытерла слезы и уже обычным, свойственным ей деловым тоном продолжала:

– Сейчас опасности для жизни нет, но несколько месяцев уйдет на восстановление. Как говорят врачи, процесс реабилитации будет долгим и тяжелым. Аркадий и папа уже нашли лучших реабилитологов и санаторий, куда тебя поместят.

Аркадий, отчим Вени, занимал крупный пост в Министерстве культуры и имел обширные связи во всех сферах.

– Мой мальчик, все будет хорошо! Ты обязательно поправишься, мы будем рядом, я верю, что ты встанешь на ноги, будешь писать картины, поедешь в Италию, – говорила она с мелодраматическими нотками в голосе, отчетливо и с паузами, как будто была на сцене, и ей было важно, чтобы галерка услышала каждое произносимое ею слово. Она уже пришла в себя и стала вновь той мамой, которую он знал последние двадцать лет.

Марту Васильевну всегда отличали умение собраться в критической ситуации и трезвый взгляд на вещи. Она считала, что не бывает безвыходных ситуаций, ну, а если они и иногда случаются, то надо просто проигнорировать их, не допускать в свою жизнь, не омрачать своего существования. «От переживаний появляются ненавистные морщины», – с которыми она, как актриса и одна из первых красавиц Москвы, нещадно боролась.

– Как бабушка? – спросил он.

– Ирина Петровна как узнала о случившемся, то слегла. Давление за двести, уже несколько дней медсестра ходит домой, делает уколы. Ничего, все обязательно образуется, вот ты уже в сознании, разговариваешь..., – ласково говорила она, глядя его по руку.

– Спасибо, мамочка.

Марта Васильевна снова прослезилась.

– Ты последний раз так называл меня, когда тебе было пять лет, растроганно сказала она, а потом как бы невзначай спросила:

– В бреду ты постоянно повторял имя Кати. Кто это?

«Катя... Девушка, в которую я был влюблен в той далекой жизни. Мой маленький Рыжик, которого мне надо забыть!» – с горечью подумал он, и, стараясь придать голосу равнодушные нотки, ответил:

– Не помню. Может быть, манекенщица с Кузнецкого, кажется, там была Катя.

– Я так и подумала, – спокойным голосом сказала мать, уловив его напускное равнодушие. Ей было больно и обидно, что ее мальчик на грани жизни и смерти не произносил «мама, мамочка» или «бабушка», а имя неизвестной ей девушки. То, что неизвестная Катя звонила, Марта Васильевна не обронила ни слова.

Окружающие находили, что внешностью Веня больше походил на мать, чем на отца; и только волосы – густые с мягкой каштановой волной – от отца; у матери они были светлыми и прямыми. Родители развелись, когда Вене едва исполнилось пять лет. Ребенком он очень тяжело пережил их расставание, полагая, что в этом виноват он, поскольку не всегда слушался маму-папу и часто болел. Став старше, недостаток внимания родителей к себе объяснил их образом жизни: мать – известная актриса, отец – директор музея.

С матерью у Вени всегда были непростые отношения. В детстве ему так хотелось прижаться к ее коленям, вздыхая чудесный запах, который всегда исходил от нее, почувствовать ее руки, гладящие его волосы. Он всегда с нетерпением ждал ее прихода, но забегая на полчаса, мать на ходу целовала его в щеку, называя «мой херувимчик», не спрашивала его не о чем, не интересовалась его маленькой жизнью, поскольку всю нужную ей информацию получала от свекрови – бабушки Вени. При прощании такой же дежурный поцелуй и фраза «мой мальчик, слушался бабушку и дедушку», убегала, оставив свой неповторимый, «мамочкин» запах. В подростковом возрасте, с присущим этому периоду негативизмом, Вене казалось, что мать всегда больше интересовалась насыщенной личной жизни и карьера актрисы, чем вечно простуженный, с перевязанным теплым шарфом горлом, маленький сын. Поэтому он уже не позволял ни «дежурные» поцелуи, ни «обнимашки», да и на вопросы отвечал с неохотой, односложно, уверившись, что матери ни он сам, ни его жизнь мало интересны.

С отцом тоже не сложились доверительные отношения, даже когда Веня уже стал взрослым. Тот вообще по натуре был «одиноким волком» и мало нуждался в каких-либо отношениях вообще. Историк по профессии, его больше интересовала древность, артефакты не моложе ста лет, чем, по его же высказыванию «мышинная суэта современного мира потребителей». Но с отцом ребенок часто общался хотя бы на бытовом уровне, поскольку тот иногда по несколько дней жил у родителей, ночуя в кабинете деда.

Так уж сложилось, что Вениным воспитанием с пяти лет в основном занимались бабушка и дедушка – родители отца, оказавшие огромное влияние на формирование его личности.

Бабушка – Ирина Петровна, много лет проработала литературным редактором в одном из ведущих театров Москвы. Это была властная женщина, которой беспрекословно подчинялись все мужчины в семье – муж, сын и внук. Дедушка ее просто обожал и на каждый ее День рождения дарил ей 101 розу, вставляя в букет записку со словами: «Моей любимой девочке». Они были в счастливом браке 43 года.

Ирина Петровна и в семьдесят лет выглядела как настоящая леди – красивая, высокая, статная, с величественной прической из седых и все еще густых волос, нос горбинкой и покровительственная улыбка.

Как и подобает леди, она была скупа на проявление эмоций, «обнимашек», «поцелуйчиков» не выносила, но именно с ней у Вени сложились доверительные дружеские отношения с раннего детства. Будучи от природы женщиной мудрой и проницательной, она знала, как найти к нему подход даже в сложном подростковом возрасте, никогда не пристала с вопросами, но была знакома со всеми его друзьями, а в дальнейшем и с подружками, которые были вхожи в их дом. Уже став взрослым, и проживая отдельно в квартире прабабушки, когда ему нужна была поддержка или сочувствие, Веня приходил к только ней, своей любимой бабуле. Он мог ничего не говорить, а просто положить голову к ней на колени, а она также молча гладила теплой ладонью по его густым волосам, и неразрешимые проблемы решались, и «тучи уходили, и вновь выглядывало солнышко».

Дедушка, Илья Яковлевич, был крупным архитектором, увлекался изобразительным искусством, любил рисовать, в основном предпочитая авангардное направление. В их большой сталинской квартире на всех стенах висели картины, написанные его рукой. Благодаря деду, уже в восемь лет Веня сносно знал работы великих художников – авангардистов, выделяя любимых Пабло Пикассо и Сальвадора Дали. Поэтому никто в семье не удивился, когда в десять лет он заявил, что будет художником. Его отдали в художественную школу им. В. А. Серова, после окончания которой, он поступил в Московский художественно – промышленный институт им. С.Г. Строгонова.

Дед умер внезапно, за своим рабочим столом, от сердечного приступа; случилось это за год до его поступления в знаменитую «строгоновку».

Все свои детские и подростковые секреты он приносил им, своим любимым – бабушке и деду. Так, лет в двенадцать Вене очень нравилась симпатичная одноклассница, которая отвечала ему взаимностью, но пригласить ее в кино или на каток он не решался. И однажды, придя домой из школы и застав деда одного, он задал ему вопрос, который в этом возрасте задают почти все подростки своим родителям.

– Дед, а как вы познакомились с бабушкой? – как бы невзначай спросил он.

Сначала дедушка несколько оторопел от вопроса внука, а потом, как-то сразу помолодев, рассказал свою историю их знакомства (бабушкина версия, имела некоторые отличия, как узнал позже внук).

В самом знакомстве не было ничего необычного. На Старый Новый год его пригласил сокурсник к себе домой.

– Илья, приходи к нам. Соня пригласила свою подругу. Она живет в соседнем подъезде. Потрясающая девчонка – глаза, фигура и прочее. Если бы не Соня, я бы сам за ней приударил!

– Соня, – пояснил дед, была девушкой друга. – Был разгар сессии, последние экзамены перед выходом на преддипломную практику, надо было усиленно готовиться, тем более что я «шел» на красный диплом. Но увидеть «потрясающую девчонку», о которой столько слышал, побороло тягу к знаниям, да и не хотелось встречать праздник с родителями, которым завтра с утра на работу.

Девушка действительно была прехорошенькая, и, как оказалось при более близком общении, весьма неглупой – училась на первом курсе литературного института. Вечер прошел весело – мы много танцевали, беспричинно смеялись, и расходились по домам далеко за полночь. Проводив девушку до подъезда, я в приподнятом настроении возвращался к себе на Покровку. И только подходя к дому, вспомнил, что не взял у красавицы номера домашнего телефона. «Ничего, попрошу завтра у Вадьки», – подумал я тогда, да так и не попросил – завертелся с экзаменами.

Когда уже сдавали последний экзамен, все-таки взял ее телефон, позвонил и пригласил в Малый театр. Как сейчас помню, смотрели мы с Ирочкой «Вассу Железнову» с Верой Пашенной в главной роли. Хотя ты, к сожалению, не знаешь ни пьесы, ни имя великой актрисы. Билетами меня снабдила моя матушка.

– Ты помнишь ее, Веня? – спросил вдруг он внука.

– Конечно, помню, когда она умерла, мне было уже шесть лет, и вы водили меня в театр на церемонию прощания. Продолжай, дед, не отвлекайся.

– Когда вышли из театра, то на улице шел крупный снег, и мы, обсуждая спектакль и игру актеров, неспешно дошли до Зарядья, где она тогда жила. Мне Ирочка, безусловно, нравилась, но это не была любовь с первого взгляда, так, юношеская влюбленность, да и о женитьбе в двадцать три года я и не помышлял. Дней через десять я пригласил девушку в Пушкинский музей, там тогда открылась выставка..., даже сейчас и не вспомню, что мы собирались смотреть. Да это и не важно. Договорились встретиться в два часа у входа в метро «Арбатская».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.